

«Это самоубийство хуже Сахалина»

Жена Чехова

По понятным причинам многие сахалинцы считают Антоном Павловичем Чехова «своим» писателем и поэтому активно интересуются всем, что связано с его именем. Последние годы своей недолгой жизни великий писатель прожил в качестве мужа Ольги Книппер. Какие это были годы? Чем был отмечен брак драматурга и актрисы? О том — в опубликованной газетой «Московская правда» статье, которую мы приводим с небольшими сокращениями.

Жизнь Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой можно условно разбить на 5 этапов: счастливое детство с отцом, трудная юность без отца, начало артистической карьеры, жизнь с Чеховым (всего 3 года!) и жизнь без него (целых 55 лет!).

Ольга Книппер родилась 9 (21) сентября 1868 года в городе Глазове Вятской губернии. Когда ей было 2 года, семья переехала в Москву. Отец был человеком состоятельным и дал единственной дочери и сыновьям хорошее образование. Не только гимназия, но и музыка, живопись, иностранные языки — Оля даже переводила с французского и немецкого, к стати, немецкий — родной язык отца. Но когда дочь заикнулась о сцене, отец категорически воспротивился: барышня и театр — это несовместимо. В свое время он и своей жене запретил выступать на сцене — у нее был отличный голос. В общем, детство было счастливым — Оленьку любили, баловали, но безоблачным его все же не назовешь: мечты о театре пресекались на корню.

Все изменилось в одночасье: отец умер, оставив жене и детям большой дом и большие долги. Пришлось думать о куске хлеба. Мать начала давать уроки музыки, Оля — пения, младший брат-студент подрабатывал репетиторством. Знакомые жалели «бедную Олечку» — теперь и замуж выйти будет трудно! — а она не чувствовала себя бедной, напротив, свободной — можно делать жизнь по своему выбору. И выбор был сделан: она поступила в школу Малого театра. И тут же ее постигли первые разочарования — театральные интриги, из-за которых пришлось покинуть школу. Мать приложила все силы и устроила Олю в драматическую школу Филармонического общества на курс Владимира Ивановича Немировича-Данченко (из этих курсов вышли Всеволод Мейерхольд и Иван Москвин). Ольга Книппер оказалась способной ученицей и с успехом участвовала в ученических спектаклях.

Ольга Книппер пригласил Немирович-Данченко в открывающийся новый Художественный театр. Своего знания не было, и премьеру предполагали сыграть в московском «Эрмитаже». Репетиции шли в Пушкине: в сторожке, в парке, в лесу — где попало. В качестве премьерного спектакля был избран «Царь Федор Иоаннович» — трагедия Алексея Константиновича Толстого. В роли царя — Москвин, роль Ирины была доверена Ольге Книппер. Театралы предвкушали провал дебютантов. А вышел грандиозный успех. «Когда Москвин говорил, все безысходная скорь, а по лицу Книппер прокатились две крупные слезы, в зрительном зале, собравшемся еще несколько часов назад позордоставать и подтрунить над «самонадеянными мальчишками», послышались всхлипывания. Зала плакала...» — в отчете о спектакле писал театральный критик Николай Эфрос.

14 (26) октября 1898 года — «это день, с него началось...». Начало сценической карьеры Ольги Леонардовны. Она сыграла множество ролей в пьесах Чехова, Горького, Тургенева, Льва Толстого, Достоевского, Кнута Гамсуна, Оскара Уайльда, Ибсена... Особенно удавались ей роли аристократок — графиня Вронская в «Анне Карениной», графиня Чарская в «Воскресении». Аристократизм и изысканность были ей присущи от природы. Ольга

Леонардовна сыграла в 5 чеховских пьесах: Аркадина («Чайка»), Елена Андреевна («Дядя Ваня»), Маша («Три сестры»), Раневская («Вишневый сад») и Сара («Иванов»). Чеховские роли — это, пожалуй, вершина Ольги Леонардовны.

Раневская в исполнении Книппер — наивная, нерасчетливая, сентиментальная женщина. Актриса прекрасно выразила недоумение, растерянность и испуг русской барыни перед сложностью жизни. А еще она излучала обаяние и вместе с тем шемпящую жалость... Как ни странно, но Чехов хотел, чтобы Книппер сыграла не Раневскую, а гувернантку Шарлотту, и писал Ольге Леонардовне: «Это лучшая роль, остальные же мне не нравятся». Но Станиславский решил иначе, поручив Книппер роль не гувернантки, а помещицы Раневской.

Кстати, Константин Сергеевич был частым партнером Книппер по сцене. Что касается Владимира Ивановича, то у него были разные периоды отношения к Ольге Леонардовне (по одной из версий, она была одно время его любовницей). Вот более поздняя оценка актрисы: «Ольга Леонардовна — превосходнейшая комедийная актриса, но совершенно лишняя поэтического взмаха».

В другом письме Немирович-Данченко нелицеприятно писал, что Книппер-Чехова причислила себя к элите театра, состоявшей из нее самой, Лилиной со Станиславским и еще «двоих-троих любимчиков их».

Наивный и неискушенный читатель спросит, а как же творческое сотрудничество и дружба между двумя режиссерами, о которой он столько прочитал и прослушал? Да, и дружба была, и сотрудничество, но еще и ревность друг к другу, и прочие негативные чувства. И часто между Станиславским и Немировичем-Данченко оказывалась именно Книппер-Чехова, к которой апеллировали оба режиссера, ее часто в спорах хотели перетянуть на свою сторону, особенно Немирович-Данченко, который на репетициях сильно «нервился», по словам Ольги Леонардовны. Это все кулисы театра...

Ну, а теперь пора перейти к Антону Павловичу. В сентябре 1898 года Чехов впервые пришел в Художественный театр на репетицию спектакля «Чайка». «И с той встречи начал медленно затягиваться тонкий и сложный узел моей жизни» — так признавалась Ольга Леонардовна много лет спустя.

Премьера «Чайки» прошла успешно. «Мы все стояли как пьяные, слезы текли у всех, мы обнимались, целовались, в публике звенели взволнованные голоса...» — вспоминала Книппер. Лично она стала любить Чеховым, или, как попростому говорят в народе, положила на него глаз. Актриса и драматург — хорошее сочетание.

Чехов был очарован игрой Книппер на сцене: в роли Ирины она была и благородной, и задумчивая, и трепетна — артистку от женщины Антону Павловичу было трудно отделить, и отсюда в письме «Здравствуйте, последняя страница моей жизни, великая артистка земли русской!». Первые женские страницы Чехова были не совсем удачны. Была даже невеста — Евдокия Эфрос, «еврейская невеста». Оказалась «злочюлкой страшненькой». Расстался. Промелькнули еще актриса Лидия Яворская, поэтесса Татьяна Шпелкина-Куперник, писательница

Авилова, почти любовь к Лике Мизиновой, и тоже не получилось.

И вот «последняя страница» — Ольга Книппер, к которой Чехов поначалу испытывал «чувственно-нежную тягу».

А. Чехов и его «последняя страница».

Он тянулся, а она начала затягивать «узел». Сначала она побывала в Мелихове, потом вместе отправились в Ялту, где Книппер родные писатели прозвали «подпольной невестой»; по утрам она, кралучища, выбиралась из спальни Антона Павловича. Она приезжала и уезжала, а Чехов писал ей: «Милая моя Оля! Радость моя, здравствуй!». Узнав, что она любовница Немировича-Данченко, отнесся к этому философски. «Будь здорова, милая немочка, не сердись на меня, не изменяй мне...».

Тем временем Ольга Леонардовна усиливает натиск на Чехова: ей хочется замуж, а еще сильнее — стать Чеховой. Как это прекрасно было звучало: Книппер-Чехова! И все сразу умрут от зависти!.. Но Чехов что-то медлил, не рвался («Если боитесь одиночества — не женитесь» — это его фраза). А Книппер торопила: «Ах, для меня все так смутно, смутно...». Оно и понятно: хотелось определенности.

В конце концов Ольга Леонардовна взорвалась: «Отчего ты не едешь, Антон? Или ты меня знать не хочешь, или тебе тяжело мысль, что ты хочешь соединить свою судьбу с моей? Ты напиши мне все это открыто. Между нами все должно быть чисто, ясно, мы не дети с тобой».

Припертый к стенке, Антон Павлович вынужден объясниться: «По письму твоему судя, в общем, ты хочешь и желешь какого-то объяснения, какого-то длинного разговора — с серьезными лицами, с серьезными последствиями; а я не знаю, что сказать тебе, кроме одного, что я уже говорил тебе 10000 раз и буду говорить, вероятно, еще долго, т. е. что я тебя люблю и больше ничего. Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня башшу, а в тебя любовь к искусству».

У Чехова открытая форма туберкулеза — тогда это не подавалось практически лечению. Книппер — артистка до мозга костей, соответственно

дома сидеть с больным мужем не будет, не сиделка, а будет порхать только по сцене. Не случайно Чехов спрашивал у многих своих знакомых, в том числе и у Бунина: «Могли бы вы жениться на актрисе?». Но

ваш, но и великий писатель». Все это раздражало Книппер. «Мой враг» — так называла она и другого врача, Альцшюллера, лечащего Чехова.

Ну а как сам Чехов относился к своему положению? Очень, надо сказать, благородно. Он писал Ольге Леонардовне: «Ты, родная, все пишешь, что совесть тебя мучит, что живешь не со мной в Ялте, а в Москве. Ну как же быть, голубчик? Ты рассуди как следует: если бы ты была со мной в Ялте всю зиму, то жизнь твоя была бы испорчена, и я чувствовал бы угрызения совести, что едва ли было бы лучше. Я ведь знаю, что женись на актрисе, то есть, когда женился, ясно сознавал, что зимами ты будешь жить в Москве. Ни на одну миллионную я не считаю себя обиженным или ободненным — напротив, мне кажется, что все идет хорошо или так, как нужно...».

Оба хотели ребенка, и он мог бы быть, но... узнав о беременности жены, Чехов волнуется: «Ты до 8 часов утра сидела в ресторане. Беспутная жена моя, посади дома хоть одну неделю и ложись спать вовремя. Меня ужасно мучает ревность, жене своей я не верю...». В конце марта 1902 года у Книппер произошел выкидыш. Уже после смерти Чехова Ольга Леонардовна признавалась: «У меня такая боль на душе, что не осталось ребенка. Ребенок у меня все бы перетянул, я это чувствую...».

Но это потом, а тогда ребенок был не нужен, он мешал сцене, новым ролям, старым поклонникам...

По просьбе Немировича и Станиславского Книппер заставила Чехова писать очередную пьесу для театра, когда заниматься творчеством ему было уже тяжело. К приезду мужа в Москву Ольга Леонардовна сняла квартиру на третьем этаже, безлифта, а пролетей там были высокие (не нынешние пятиэтажки!). И вот Чехов с трудом одолевал 80 ступенек, часто повисая на перилах.

И конечно, все это быстро кончилось. В 44 года Антон Павлович Чехов умер. Вдове Ольге Леонардовне было 36 лет. Сама Книппер называла себя «мифической женой» и говорила: «Вообще получается чепуха из нашей жизни». Но эта жизнь закончилась, и началась другая длиною в полвека. Новых ролей почти не было — Надежда Львовна в спектакле «Бронепоезд 14-69» (1927) да Полина в горьковской пьесе «Враги» (1935). Но зато очень долго играла Раневскую, которой казалось, что все останется неизменным — и вишневый сад, и Париж, и молодость, и любовь.

Увы. Все проходит. И неожиданно человек оказывается наедине со старостью. Познала ее и Ольга Леонардовна — слабеющее зрение, ушедшие друзья, холодные глаза молодых, чужих людей, для которых она всего лишь легенда театра, некая реликвия, анахронизм.

Известный театральный критик Павел Марков вспоминал, что в свои 90 лет Ольга Леонардовна не потеряла напряженного интереса к жизни. Любила слушать о театральных событиях. На вопрос, чем она теперь заполняет свой вынужденный досуг, она задумчиво ответила: «Я играю про себя все свои чеховские роли» — и, вздохнув, добавила: «Только теперь я понимаю, сколько я сыграла не так».

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова умерла 22 марта 1959 года на 91-м году жизни. 15 февраля приказом по Художественному театру ее перевели на пенсию. Она не узнала об этом, но что-то почувствовала, и, возможно, это приближало кончину: она не мыслила себя вне театра. Женщина, бесконечно влюбленная в сцену.

Ю. БЕЗЛЯНСКИЙ.